

Глава IV. Некоторые замечания

Разумеется, *народные массы* не могли разобраться во всех тонкостях этих различных воззрений. Она не были способны — даже ознакомившись с нашими идеями — понять действительные масштабы различий, о которых шла речь. Российские трудящиеся очень слабо разбирались в политике. Они не осознавали ни макиавеллизма, ни опасности большевистских идей.

Помню, какие отчаянные усилия прилагал я, делая все от меня зависящее, чтобы словом и пером предупредить трудящихся об опасности, грозящей Революции в случае, если массы позволят партии большевиков утвердиться у власти.

Я мог делать все что угодно: массы не видели опасности. Сколько раз мне говорили: «Товарищ, мы прекрасно тебя понимаем. Впрочем, мы не *слишком* доверчивы. Согласны, нам следует быть настороже и никому не верить на слово. Но до сих пор большевики ни разу не предали нас; они решительно идут с нами, они — наши друзья; они здорово помогают нам и заявляют, что, придя к власти, смогут легко удовлетворить наши нужды. Кажется, так оно и будет. Тогда зачем нам отказываться от сотрудничества с ними? Поможем им придти к власти, а там поглядим».

Я мог сколько угодно утверждать, что политическая власть никогда не сможет осуществить цели Социальной Революции; мог сколько угодно повторять, что власть большевиков неизбежно окажется столь же бессильной, сколь и всякая другая, но, в отличие от остальных, гораздо более опасной для трудящихся, и борьба с ней может предстоять нелегкая. Мне неизменно отвечали: «Товарищ, это мы, народные массы, сбросили царизм. Это мы сбросили буржуазное правительство, а сейчас готовы сбросить и Керенского. Ну ладно, если ты прав и большевики нас все-таки предадут, не сдержат своих обещаний, мы их сбросим как всех остальных. И тогда решительно пойдем вперед только с нашими друзьями анархистами».

Я мог сколько угодно говорить, что по таким-то и таким-то причинам избавиться от господства большевиков будет очень тяжело: мне не хотели, не могли поверить.

В этом нет ничего удивительного, ибо даже в странах, хорошо знакомых с политическими методами, которые (как, например, во Франции) в большей или меньшей степени вызывают отвращение, трудящиеся массы, и даже интеллигенция, выступая за Революцию, пока не пришли к пониманию того, что взятие власти политической партией, хотя бы и крайне левой, и государственное строительство в любой форме ведет Революцию к гибели. Могло ли быть иначе в такой стране, как Россия, не имевшей никакого политического опыта?

Возвращаясь на своих военных кораблях из Петрограда в Кронштадт после победы октября 1917 года, революционные матросы заспорили об опасности, которая могла заключаться в самом существовании ставшего у власти «Совета Народных Комиссаров». Кое-кто, в частности, утверждал, что этот политический «синедрион» может когда-нибудь предать принципы октябрьской Революции. Но в массе своей матросы, находившиеся под впечатлением легко одержанной победы, заявляли, потрясая оружием: «В таком случае наши пушки, раз они смогли обстрелять Зимний Дворец, достанут и до Смольного». (Бывший Смольный институт в Петрограде был первым местом заседаний пришедшего к власти правительства большевиков.)

Как мы знаем, в 1917 году в России политические, государственнические, правительственные идеи еще не были дискредитированы. В настоящее время это утверждение применимо по отношению к любой стране мира. Без сомнения, потребуется время, еще не один исторический эксперимент и длительная пропагандистская работа, чтобы *массы* со всей ясностью осознали наконец лживость, пустоту и гибельность этих идей.

Ночь на 26 октября я провел на улицах Петрограда. Они были темны и спокойны. Издалека доносились отдельные ружейные залпы. Вдруг мимо меня на полной скорости проехал броневик. Из него высунулась рука и бросила пачку листов бумаги, которые разлетелись во все стороны. Я нагнулся и подобрал один. Это был призыв новой власти «к рабочим и крестьянам», объявлявший о падении режима Керенского и содержавший список вновь образованного правительства «народных комиссаров» во главе с Лениным.

Меня охватило смешанное чувство грусти, гнева, отвращения и одновременно горького сарказма. «Эти дураки (если они просто не лживые демагоги), — подумал я, — наверно, воображают, что делают Социальную Революцию! Что ж, они еще увидят... А массы получают хороший урок!»

Кто в тот момент мог предвидеть, что всего лишь четыре года спустя, в славные февральские дни 1921 года — а именно 25–28 февраля — петроградские рабочие восстанут против нового «коммунистического» правительства?

Существует мнение, которое разделяют некоторые анархисты. Его сторонники утверждают, что в тех условиях русские анархисты должны были *на время* отказаться от своего неприятия «политики» партий, демагогии, власти и пр. и действовать «по-большевистски», то есть сформировать своего рода политическую партию и попытаться *временно* захватить власть. В этом случае, говорят они, анархисты смогли бы «увлечь за собой массы», одержать победу над большевиками и взять власть, «чтобы затем установить анархию»[11].

Я считаю такого рода рассуждения глубоко ошибочными и опасными.

Даже если бы анархисты одержали победу (что очень сомнительно), победа эта, купленная ценой «временного» отказа от основополагающего принципа анархизма, никогда не привела бы к торжеству этого принципа. В силу логики событий анархисты у власти — какой

нонсенс! — создали бы лишь *разновидность большевистского режима*.

(Считаю, что мою точку зрения в целом подтверждают недавние события в Испании и поведение некоторых испанских анархистов, согласившихся занять посты в правительстве и бросившихся в пустоту «политики», отказавшись тем самым от подлинной анархической деятельности.)

Если бы подобные методы могли привести к искомым результатам, если бы было возможно уничтожить власть силой власти, анархизм не имел бы никаких прав на существование. «В принципе», все являются «анархистами». *На самом деле* отличие коммунистов и социалистов от анархистов именно в том, что они считают возможным прийти к либертарному общественному устройству, пройдя через стадию политики и власти. (Я имею в виду людей искренних.) Так что если некто хочет уничтожить власть силой власти, «руководя массами», то он коммунист, социалист, кто угодно, но только не анархист. Анархистом является тот, кто считает невозможным уничтожить власть и государство при помощи власти и государства (и не допускает руководства массами). Как только прибегают к подобным средствам — пусть даже «временно» и с самыми добрыми намерениями, — перестают быть анархистами, отвергают анархизм и начинают исповедывать принципы большевизма.

Идея о руководстве массами и их сплочении вокруг власти не имеет ничего общего с анархизмом, который не признает возможности подлинного освобождения человечества таким путем.

В связи с этим вспоминаю разговор с хорошо известным товарищем Марией Спиридоновой, вдохновительницей партии левых эсеров, который состоялся у меня в Москве в 1919 или 1920 году.

(Некогда Мария Спиридонова, рискуя жизнью, застрелила одного из самых жестоких царских сатрапов. Она вынесла пытки, едва избежала смерти и много лет провела на каторге. Освобожденная февральской революцией 1917 года, Мария Спиридонова присоединилась к партии левых эсеров и стала одним из ее лидеров. Эта была искренняя революционерка: ей верили, к ней прислушивались и уважали ее.)

Во время нашего спора она заявила, что левые эсеры видят власть сведенной к минимуму, то есть очень слабой, гуманной и, главное, временной. «Лишь *самое необходимое*, позволяющее как можно быстрее ослабить, истощить ее и дать ей исчезнуть». — «Не заблуждайтесь, — возразил я ей, — власть никогда не является «комком песка», который рассыплется от одного толчка; скорее, она подобна «снежному кому», который, когда его катают, только увеличивается. Если вы придете к власти, вы будете действовать так же, как и все остальные».

В том числе и анархисты, мог бы я добавить.

Вспоминаю другой поразительный случай.

В 1919 году я вел революционную работу на Украине. В то время народные массы уже значительно разочаровались в большевизме. Анархистская пропаганда на Украине, которую большевики еще не полностью покорили, имела значительный успех.

Однажды ночью в штаб-квартиру нашей харьковской группы пришли красноармейцы, делегированные своими полками, и заявили следующее: «Несколько частей гарнизона, разочаровавшиеся в большевизме и симпатизирующие анархистам, готовы действовать. Мы могли бы беспрепятственно арестовать членов большевистского правительства Украины и провозгласить анархистское правительство, которое, несомненно, оказалось бы лучше. Никто не выступил бы против, власть большевиков всем надоела. Мы просим анархистскую партию быть заодно с нами, поручить нам действовать от ее имени, чтобы арестовать нынешнее правительство и, с нашей помощью, занять его место. Мы предоставляем себя в полное распоряжение партии анархистов».

Произошло очевидное недоразумение. Об этом достаточно свидетельствовало само выражение «анархистская партия». Храбрые воины не имели никакого представления об анархизме. Они, должно быть, слышали чьи-то неопределенные разговоры или присутствовали на каком-нибудь митинге.

В такой ситуации перед нами встал выбор: или воспользоваться этим недоразумением, арестовать большевистское правительство и «взять власть» на Украине; или объяснить солдатам их ошибку, рассказать им о сущности анархизма и отговорить от авантюры.

Естественно, мы предпочли второе. В течение двух часов я излагал солдатам наши воззрения: «Если, — сказал я им, — широкие народные массы начнут новую революцию, честно сознавая, что не следует заменять одно правительство другим для того, чтобы организовать свою жизнь на новых основах, это будет хорошая, подлинная Революция, и все анархисты пойдут вместе с массами. Но если мы — группа людей — арестуем большевистское правительство и займем его место, по сути ничего не изменится. А затем, следуя той же системе, мы окажемся ничем не лучше большевиков».

Солдаты в конце концов поняли мои объяснения и ушли, поклявшись отныне бороться за подлинную Революцию и анархическую идею[12].

Непостижимо, что в наше время существуют «анархисты» — и достаточно авторитетные, — которые упрекают меня за то, что я в тот момент не «взял власть». Они полагают, что мы должны были арестовать большевистское правительство и занять его место. Они утверждают, что мы упустили прекрасную возможность осуществить наши идеи... с помощью власти, что нашим идеям как раз противоречит.

Сколько раз говорил я во время Революции: «Никогда не забывайте, что *радивас, стоя над вами, вместо вас* никто ничего не сможет сделать. Самое «лучшее» правительство ожидает неизбежное банкротство. И если вы однажды узнаете, что я, Волин, прельщенный политическими и авторитарными идеями, согласился занять правительственный пост, стать «комиссаром», «министром» или кем-то в этом роде, — через две недели, товарищи, вы сможете со спокойной совестью расстрелять меня, зная, что я предал истину, наше дело и подлинную Революцию!».

Версия #1

created 5 апреля 2025 20:15:49

updated 5 апреля 2025 20:16:16